

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 11.

СУББОТА, МАРТА 14 ДНЯ,

1859 ГОДА.

УКРАИНСКІЕ САДЫ (*)

(Посв. Н. О. Калениченкѣ.)

Статья Гр. Н. Данилевскаго.

Общее пробужденіе Малороссіи.—Акклиматизація растений и животных.—Богатство флоры степей.—Мѣстная вата.—Лісятники въ Харьковѣ.—Садоводы и лѣсоводы въ степяхъ.—Тысяча десятинъ лѣса, засѣяннаго на пескахъ.—Сады въ уѣздахъ Харьковской губерніи.—Крестьяне—лѣсоводы.—Степи Тараса Бульбы въ наши дни.

Въ то время, какъ вся Россія вышла на новый путь гражданской жизни, занялась устрой-

(*) Въ Харьковѣ, на дняхъ, многіе изъ общества получили повѣстку такого содержанія: «Нѣсколько изъ здѣшнихъ любителей сельскаго хозяйства, садоводства и вообще естествознанія согласились учредить въ Харьковѣ общество акклиматизаціи растений и животныхъ, а потому просятъ всѣхъ сочувствующихъ этому дѣлу пожаловать въ воскресенье 25 января, въ 12 ч. утра, въ зданіе ветеринарнаго учили-

щомъ своихъ домашнихъ, такъ сказать, бакулісныхъ дѣлъ, могла ли оставаться равнодушною къ этому и наша степная, безводная, безлѣсная и, какъ иные даже думаютъ, безлюдная Украина?

Она спала донынѣ, спала, какъ очарованная сказочная красавица, ждавшая только звѣтнаго прихода своего могучаго жениха. И этотъ женихъ пришелъ. Мы всѣ его знаемъ. Этотъ женихъ—наше время. Онъ коснулся ея, и она очнулась, вмѣстѣ со всею спавшею вкругъ не-

ща, для обсужденія всѣхъ подробностей, къ этому предпріятію относящихся.» Собралось до 50 лицъ изъ круга повѣщниковъ, профессоровъ и здѣшняго крестьянскаго комитета. Прочтенъ проектъ устава, составленный профессоромъ Кочетовымъ. Онъ измѣненъ и поподненъ, послѣ общихъ преній, равно какъ и программа общества. Этотъ проектъ уполномочили представить высшему начальству черезъ здѣшняго попечителя учебнаго округа П. В. Зиновьева.—Предлагаемая статья Гр. Н. Данилевскаго—рѣчь, прочитанная авторомъ въ упомянутомъ засѣданіи общества 25 Января.

картиною. Проснулись, какъ въ сказкѣ, и долгъ, и высь, и вѣтеръ: «и повара, спавшіе надъ кострюлями, и пыль, взлетѣвшая на воздухъ отъ застывшаго на бѣгу колеса, и походы, и лица, и улыбки людей». Все проснулось, отъ правящихъ до правимыхъ и отъ работающихъ до ничего не дѣлающихъ, со дня рожденія...

Только три года, а уже мы вѣримъ въ близкое открытіе харьковской желѣзной дороги; собираемся на дняхъ переписываться съ Царемъ и Лондономъ по электрическому телеграфу, поставившему свои столбы у самыхъ нашихъ оконъ; работаемъ надъ великимъ вопросомъ возвращенія свободы крѣпостнымъ потомкамъ слободско-украинскаго казачества и ждемъ его счастливой развязки. Три только года, а уже мы ожидаемъ компаніи волопроводовъ, которая дастъ намъ скоро возможность, при помощи пара, пить въ болотно-водномъ Харьковѣ воду изъ Куряжскихъ ключей; вѣримъ въ возможность харьковскихъ журналовъ и харьковской публичной библіотеки; надѣмся на осуществленіе мысли великаго Петра о судоходствѣ по Донцу; переписываемся объ открытіи общества сельскаго хозяйства и, главнѣе всего, радуясь давно желанной гостѣ, гласности, начинаемъ вѣрить во все утѣшительное для нашего времени.

Такъ и теперь, не даромъ собрались здѣсь, въ Харьковѣ, всѣ тѣ, въ чьемъ умѣ родилась мысль откликнуться на одинъ изъ тысячи вопросовъ, возбужденныхъ въ центрѣ нашей умственной жизни, въ Москвѣ, на вопросъ объ акклиматизаціи на нашей почвѣ растений и животныхъ. Иные говорятъ, что намъ полезнѣе прежде хлопотать о скорѣйшемъ открытіи общества сельскаго хозяйства и объ улучшеніи породъ растений и животныхъ старыхъ, давно намъ знакомыхъ и нами пренебрегаемыхъ, нежели о приурочиваніи того, что ново и еще намъ не знакомо. Что за дѣло до того, что нужнѣе прежде или послѣ! Отзовемся на все, что требуетъ отклика. Жизни въ рамки не вставишь!

Пусть Парижъ и Лондонъ изъ положительнаго дѣла акклиматизаціи дѣлали пока вгрушку, шутку, забаву разведенія небывалыхъ куръ и бойцовыхъ пѣтуховъ, пурпурныхъ кохинкинокъ, гиланскихъ и гуданскихъ куръ, крохотныхъ королекъ, золотыхъ и серебрянныхъ хохлатокъ, бойцовыхъ пѣтуховъ криверъ и лавлешъ и англійскихъ великановъ куръ доркингъ. Постараемся взглянуть на это дѣло серьезнѣе. Нашу благодарную Украину ждутъ цѣлые десят-

ки новыхъ способныхъ привиться въ ней породы полезныхъ растений и животныхъ, птицъ и рыбъ, которыми мы освѣжимъ и замѣнимъ запасъ нашихъ домашнихъ животныхъ и растений. Отъ дикорастущаго у насъ на поляхъ растенія *Asclepia syriaca*, изъ котораго живущій среди насъ въ Харьковѣ г. Пирожковъ приготовляетъ уже второй годъ вату, отличной доброты и ничѣмъ не отличаемую отъ американской ваты, такой же бѣлизны, крѣпости, пуха и въ шесть разъ болѣе ея дешевой, до множества дикорастущихъ у насъ луковъ, щавелей, сладкаго корня и хлѣбныхъ злаковъ, какъ, на примѣръ, растущее на нашихъ лѣсистыхъ пескахъ по Донцу дикое *жито*, или *дикий ячмень*, изъ котораго профессоръ Черняевъ добылъ муку и выпекъ очень вкусный бѣлый хлѣбъ, средній между житнымъ и пшеничнымъ. Мы насчитаемъ множество предметовъ, полезныхъ и достойныхъ общаго вниманія. Да что говорить! Если даже такіе непрошенные гости, какъ *овражки-суслики*, случайно завезенные сюда, какъ говоритъ преданіе, графомъ Потоцкимъ въ подарокъ Екатеринѣ Великой, какъ рѣдкіе звѣрки, нечаянно выпущенные здѣсь на волю, если и они, такъ хорошо знакомые намъ, теперь, подъ вліяніемъ климата, развелись до миллионныхъ головъ, ежегодно истребляющихъ у насъ тысячи десятинъ хлѣба, то чего не сдѣлаетъ наша добрая воля съ тѣмъ, что намъ будетъ истинно полезно? *Куропатки, дрофы, перепела, журавли и стрепеты* уже разводились въ домашнемъ быту у многихъ изъ нашихъ помѣщиковъ, еще кое-какъ, иной разъ случайно, подъ балкономъ въ саду, отъ случайно же найденныхъ яицъ. Но я знаю примѣры, гдѣ, какъ у Д. А. Хрушова, выращенная при домѣ дикая дрофа до того освоилась, что жила и играла съ дѣтьми болѣе двухъ лѣтъ. Она отличалась баснословнымъ аппетитомъ, хватала и глотала все, что ей ни бросали, камни, куски кожи и дерева, и погибла оттого, что проглотила выкинутый изъ самовара и непотухшій еще уголь. А кто не знаетъ старосвѣтскаго обычая въ Малороссіи держать во дворѣ ручныхъ журавлей? Въ Харьковѣ, въ подгородныхъ слободахъ, на Запорожскій и Москалевскій, многіе промышленники ведутъ любопытную торговлю: выдвращаютъ изъ норъ и скупаютъ у охотниковъ крошечныхъ *мисятъ*, держатъ ихъ въ амбарахъ, кормятъ сперва кашей и, какъ увѣряютъ сами, еще непременно съ масломъ, а потомъ такъ называемыми рубцами изъ внутренностей скота,

очень дешево добываемых на бойнях, и мѣха взрослых лисиц оптомъ продають по 2 и по 3 р. сер. Въ такихъ анбарахъ еще въ эту зиму я видѣлъ штукъ по 30 и 50 лисицъ. За ними суевѣріе народа заставляетъ ходить одно лице, и не иначе, какъ женщину или дѣвочку. Чужой глазъ умерщвляетъ, по словамъ этихъ промышленниковъ, цѣлый заводъ иногда въ одинъ день. Вамъ не позволятъ войти въ такой анбаръ; позволяютъ только взглянуть въ маленькую дырочку въ стѣнѣ. И тутъ любопытна чуткость и двкость маленькихъ звѣрковъ. Чуть вашъ взоръ появился у отверстія, десятки лисятъ, большею частію ссорящихся между собою, злыхъ и грызущихъ другъ друга, мигомъ шелохнутся въ сторону и повскакиваютъ на полки, прибитыя, въ видахъ ихъ разбѣженія, по стѣнамъ, и десятки сверкающихъ глазъ устремлены изъ темноты по направленію къ вамъ. Иной разъ болѣе приткій лисенокъ найдетъ щель, и вся стая, уже взрослая, разбѣжится изъ анбара, повергая своего хозяина въ отчаяніе.

Всѣ эти попытки примутъ болѣе правильное развитіе при учрежденіи дѣятельнаго общества акклиматизаціи, когда заводятся у насъ образцовые *птичники*, образцовые *звѣрницы*, *насти*, съ лигурійскими пчелами, англійскія и голандскія курятни, приурочиваніе десятковъ породъ хвойныхъ, еще незнакомыхъ намъ деревъ, абрикосовъ, винограда, образцовыя *сажалки*, со всѣми блистательными приѣмами современной науки психикультуры, или искусственнаго рыбозаведенія, и наконецъ *музеи*, для всѣхъ родовъ акклиматизаціи, съ гнѣздами и яйцами дикихъ птицъ, съ коконами шелколичныхъ червей, съ ульями и слѣпками сотовъ пчелъ, плодовъ улучшенныхъ фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, съ *гербаріями* травъ и хлѣбныхъ злаковъ и съ рисунками нашей украинской помологіи, такъ художественно начатой художникомъ въ душѣ, новомосковскимъ помѣщикомъ садоводомъ В. В. Кашенкомъ. Рисунки плодовъ г. Кашенка, привезенные на дняхъ въ Харьковъ, восхищали всѣхъ, кто ихъ видѣлъ. По общему отзыву, они превосходятъ лучшія изданія по части помовъ у французовъ и бельгійцевъ. Будемъ ждать ихъ появленія въ «Журналѣ московскаго общества садоводства», которому искренно желаемъ снестись по этому предмету съ г. Кашенко. Садъ г. Кашенка, насаженный имъ на 12 десятинахъ, со всѣми его замѣчательностя-

ми, описанъ мною въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1858 года, въ Августѣ.

Но болѣе, чѣмъ по части прирученія животныхъ, наша Южная Россія сдѣлала счастливейшихъ опытовъ по части акклиматизаціи растеній.

Новѣйшія изысканія говорятъ, что уже за сто лѣтъ назалъ въ нашихъ уѣздахъ, въ Чугуевѣ и въ Изюмѣ, были *виноградники*. Самое татарское названіе города Изюма напоминаетъ, вмѣстѣ съ гербомъ его, о виноградѣ. Наши валковскія *груши*, *сливы* и *яблоки* славятся также давно, и чуть ли тамошніе мужички-садоводы, поставляющіе теперь вѣскольکو сотъ тысячъ пудовъ сушеныхъ фруктовъ въ Россію, не были первыми акклиматизаторами въ краѣ...

Да, смѣло могу сказать, отъ лица тѣхъ, кто человекъ и его нужды изучаетъ не въ кабинетѣ, а на просторѣ свѣта, не въ книгахъ, а на перекресткахъ большихъ и малыхъ дорогъ, что это дѣло намъ уже не ново, не смотря на гибельныя противодѣйствія подчасъ нашего рѣзкаго въ переходахъ погоды континентальнаго климата. Посмотрите вокругъ насъ. Кто не знаетъ, что наши степи безводны и безлѣсны, что на всю Харьковскую губернію, объемомъ въ иное многочисленное и многолѣсное германское королевство, приходится всего одна порядочная и то почти не еудоходная, въ ея границахъ, рѣка Донецъ, что наконецъ наши травы, вмѣстѣ съ тощими рѣченками, прудами и озерами, исчезаютъ иной разъ въ вѣскольکو дней отъ нашего украинскаго, жгучаго *суховья*, способнаго поспорить съ любымъ неаполитанскимъ сирокко? А, между тѣмъ, въ то время, какъ большая часть нашихъ лѣсовъ уже вырублена, степи истощаются въ травахъ и большинство владѣльческихъ садовъ находится въ первобытномъ запустѣніи, не даюшемъ иногда хозяину въ знойное лѣто прохладнаго и изыскаго уголка, въ два шага величиной, укрыть въ тѣни палимую солнцемъ голову, въ то время наконецъ, какъ наши крестьяне не поддерживаютъ даже садовъ, насаженныхъ ихъ дѣдами, и отдають великорусскимъ промышленникамъ свои плодовые плантаціи въ аренду, еще на цвѣту, лишь бы самими ихъ даже не оберегать, я все-таки могу привести блистательныя исключенія изъ этой печальной картины...

Не только сады, есть цѣлыя десятки, сотни и тысячи десятинъ земли, засѣяныя и засаженыя у насъ, частнымъ трудомъ и изъ одной доброй воли, дикимъ *лѣсомъ*. Имена Скар-

жинского, Рауха, Кащенко, Донецъ-Захаржевскаго, Каразинныхъ, Квитки и другихъ могутъ смѣло обратиться на себя одобреніе свѣта.

Но я приведу особенно яркій примѣръ.

Неудивительно, что подъ гнетомъ желѣзной руки такого военного плантатора, какъ гр. Аракчеевъ, создавшій сорокъ лѣтъ назадъ нынѣ распущенное и преобразованное, къ славѣ нашего времени, здѣшнее южное военное поселеніе, могли засѣваться огромныя плантаціи лѣсомъ. Достопамятный нынѣшнимъ потомкамъ первыхъ военныхъ поселеній первый чугуевскій форштмейстеръ *Созко* сгналъ народъ силою въ неурочное время и засѣвалъ десятки десятинъ лѣсомъ, какъ египтяне строили пирамиды (*). Это неудивительно. Но вотъ чего нельзя пройти вниманіемъ. Одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи, Зміевскаго уѣзда, вида у себя на берегахъ Довца болѣе 1,000 десятинъ сыпучаго песку, не приносившаго ему пользы, а, напротивъ, еще засыпавшаго годъ отъ году, далѣе и далѣе, окрестныя пахатныя его поля, по доброй волѣ, удѣлилъ изъ своего собственнаго хозяйства денежный капиталъ и часть принадлежавшихъ ему дней въ крестьянскомъ трудѣ, въ нѣсколько лѣтъ постоянныхъ усилій сперва сплотилъ эти пески, засѣвавши ихъ *талою* (лозникомъ), а потомъ всѣ эти 1,000 десятинъ засѣвалъ сосновыми шишками и сѣменами. Приведу объ этомъ рѣдкомъ примѣрѣ слова замѣчательнаго авторитета, здѣшняго заслуженнаго профессора ботаники В. М. Черняева, сказанныя имъ въ рѣчи, въ торжественномъ засѣданіи здѣшняго университета, два года назадъ. В. М. Черняевъ говорилъ: «Незабвенный покойный наставникъ мой, также профессоръ ботаники, Делапинъ, въ 1817 г., упоминая объ этомъ замѣчательномъ случаѣ, сказалъ: «Я знаю одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать объ его имени. Когда я проѣзжалъ по его землямъ, лѣтъ 15 тому назадъ (значитъ около 1802 года), я нашелъ у него песчаную равнину, и потомъ ту же равнину, превращенную въ сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ

(*) *Примѣчаніе.* Преемникъ его, нынѣшній чугуевскій форштмейстеръ, *А. Ф. Байбаковъ*, также посѣвы производилъ самыми кроткими и разумными мѣрами. Труды его достойны высокой похвалы. Въ особенности онъ заслужилъ полную славу по акклиматизаціи *шелковницы*, посѣвомъ сосны и лозы и по сохраненію лѣсовъ. — *Гр. Д.* —

людей немного?» Потомъ В. М. Черняевъ прибавилъ: «Въ 1844 году выѣлъ я удовольствіе видѣть болѣе, чѣмъ 1,000 десятинъ, засѣянныхъ сосною, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтми изъ лѣса, который за полъ-вѣка назадъ посѣянъ отцомъ ихъ.» Съ гордостію могу прибавить, что этотъ сѣтель громаднаго лѣса, осчастливившаго внуковъ владѣльца и позднѣйшее поколѣніе его крестьянъ, живущихъ среди своихъ стѣнныхъ сосѣдей, обитателей назанокъ, чуть не въ городскихъ домикахъ, былъ мой покойный родной дѣдъ Иванъ Яковлевичъ Давилевскій. За это сѣяніе лѣса дѣдъ мой получилъ отъ Императора Александра I орденъ Владимира, старшій сынъ его, *Ив. Ив. Давилевскій*, также засѣвалъ сосной около 200 десятинъ песку въ послѣдніе 20 лѣтъ, и также на дняхъ представленъ къ наградѣ.

Но я спѣшу къ этому прибавить еще нѣсколько достойныхъ именъ нашихъ харьковскихъ садоводовъ и лѣсоводовъ, среди дворянъ и крестьянъ. Неудивительно, если въ Ахтырскомъ уѣздѣ есть имѣнія наслѣдниковъ *С. А. Голицыной, Славгородъ, Тростинецъ* на р. Бормалѣ и *Нескуиное*, въ лѣсу, гдѣ *А. Т. Корсакова*, мать покойной *С. А. Голицыной*, потратила огромныя суммы на разведеніе садовъ, въ 60 десятинъ величиной, какъ въ *Славгородѣ*, съ прудами, каскадами, виноградниками, кіосками и павильонами. Я могу назвать такіе примѣры даже между людьми средняго состоянія. Наши южные уѣзды *Зміевскій* и *Изюмскій* безводны и безлѣсны. Но и тамъ я долженъ, рядомъ съ небольшими садами, по *Берекѣ* и *Торцу*, гг. *И. Л. Скалона, О. В. Бактыша, А. А. Сонцева, П. В. Малиновскаго* и другихъ, назвать истинно замѣчательный садъ въ имѣніи *Константиовъ, Зміевскаго уѣзда, Д. А. Донецъ-Захаржевскаго*. богатый искусствомъ и природой, съ его многолѣтними громадными лимонными деревьями, въ теплицахъ, и бездною цвѣтовъ. Но если мы поднимемся на сѣверъ губерніи, болѣе богатый влагою и тѣнью лѣсовъ, мы встрѣтимъ такіе, напримѣръ, уѣзды, какъ *Валковский* и *Богодуховскій*, которые представляютъ, такъ сказать, сплошныя плодовые сады и лѣса, полные дѣлкихъ плодовыхъ деревьевъ. Сады крестьянскіе тутъ не замѣнены тонкими породами деревъ. За то помѣщичьи сады, какъ сады гг. *Н. А. Заруднаго, барона М. К. Розена* (село *Николаевка*), наслѣдниковъ гг. *В. Н. и М. Н. Каразинныхъ, С. Е. Анненкова* и *Н. А. Витинскаго*, не тре-

буютъ поясненій. Но и нашъ Манчестеръ и Ливерпуль, наши фабричныя и заводскія уѣзды, Сумской и Лебединскій, также не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей. Въ Сумскомъ уѣздѣ я назову сады: г жи *Бутурлиной*, на Олѣшнѣ, въ имѣніи Хотень, съ громаднымъ паркомъ въ англійскомъ вкусѣ, съ искусственнымъ островомъ среди озера, лимонными, капарисными, апельсиновыми и лавровыми деревьями, въ теплицахъ; *Д. И. Кондратьева* на Пселѣ, въ селѣ Ульяновкѣ, съ оранжереями и огромнымъ собраніемъ розъ; *Е. А. Гиріакова* на Желѣзнякѣ, съ грунтовыми сараями, съ ананасами въ теплицахъ, садъ небольшой, но прекрасно устроенный, подъ руководствомъ извѣстнаго садовника Гершеля; *Н. А. Похвисневой*, на Пселѣ, въ деревнѣ Басы, съ паркомъ, оранжереями, грунтовыми сараями, съ камеліями, величественными рододендронами, рѣдкими кустарниками и лиственницами; *С. И. Носковой* съ виноградниками; *И. А. Куколь-Яснопольскаго*, съ отличнымъ выборомъ камелій и розъ, и наконецъ *Зос. П. Лялина*, въ селѣ Ивановкѣ, на Ильмѣ, садъ, замѣчательный счастливо акклиматизированными породами французскихъ плодовыхъ деревъ *Beurrée Napoleon*, *Beurrée gris*, *Beurrée Dill*, также вѣжнѣйшихъ сортовъ винограда: *Izabelle*, *Fontenaibleau*, *Schasselât blanc*; цвѣтовъ, какъ астрѣ, георгинѣ, множества крымскихъ дикихъ деревьевъ, дикаго клена, *Fraxinus pendula*, *bignonia catalpa*, розовыхъ акацій, акацій *globosa*, и даже нѣкоторыхъ хвойныхъ, прямо вывезенныхъ изъ Сибири братомъ владѣльца сада, *П. П. Лялинымъ*, какъ, напримѣръ, «облепиха». Въ Лебединскомъ уѣздѣ нельзя не назвать также садовъ: *А. Н. Лосева*, въ имѣніи Горки, на правомъ берегу Псла, съ великолѣпными видами на 70 верстѣ и съ рѣдкими плодовыми деревьями, какъ, напримѣръ, приуроченными въ грунтъ волошскими орѣхами и сливами, рейнклодъ, мирабели и *Pruneaux de Tour*; *кн. Шербатова*, въ имѣніи Терны, съ паркомъ, ананасами и старинными лимонными деревьями, и наконецъ *Н. А. Хрущовой*, въ хуторѣ Лихвино, на четырехъ прудахъ, среди горъ, покрытыхъ вѣковыми дубами, садъ, съ теплицами, грунтовыми сараями и молодою плодовою плантаціей, почти въ 1,500 пней, засаженою трудами мужа хозяйки, *Д. А. Хрущова*, съ выборомъ приуроченныхъ въ грунтъ хвойныхъ деревьевъ, розъ, также приуроченныхъ изъ о-

ранжерей прямо въ грунтъ, какъ, напримѣръ, розы: *Noisettes Bourbon*, *théa*, а также съ выборомъ множества сливъ, грушъ и наконецъ вербъ: *pendula*, *babilonica*, *napoleonis*, и прочее. Прибавлю, что лучшіе сады въ Сумскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ обязаны извѣстностью своимъ г. *Гершелю*, уроженцу и воспитаннику Германіи, приглашенному отсюда г. *Рахмановымъ*. Этотъ садовникъ-пейзажистъ повелъ свою художественную пропаганду такъ успѣшно, что имя его загремѣло въ томъ окологрѣбѣ вездѣ, и его приглашаютъ на расхватъ. Знаменитый садъ *В. А. Квитки*, на Основѣ, близъ Харькова, съ его оранжереями, теплицами и богатѣйшимъ собраніемъ рѣдкихъ деревъ и кустовъ, приуроченныхъ въ грунтъ, не разъ описанъ (въ томъ числѣ и моимъ слабымъ перомъ) и не требуетъ поясненій. Словомъ, наша губернія по части садоводства ждала одного: чтобы разрозненные силы отдельныхъ любителей наконецъ слились въ одно. Этому частъ пробилъ. Къ ней, вѣроятно, примкнутъ и сосѣднія губерніи: Полтавская, Екатеринославская, Курская и Воронежская, лишенная такого перваго помощника и сотрудника въ дѣлѣ теоріи, какъ нашъ университетъ, съ его музеями, ветеринарнымъ училищемъ, библіотекой, ботаническимъ садомъ, и сосѣдкою его, земледѣльческою фермою близъ Харькова. Не будемъ падать духомъ; будемъ надѣяться, какъ надѣется теперь все, отъ мала до велика, въ Россіи. Нашъ трудъ и терпѣніе, когда мы захотимъ, дѣлаютъ чудеса. Приведу снова одно мѣсто изъ рѣчи *В. М. Черняева*: «Близъ г. Старобѣльска видѣлъ я вязы и бересты, разведенныя отъ семянъ однимъ крестьяниномъ. Другой 80-ти-лѣтній старецъ, въ Валковскомъ уѣздѣ, указалъ мнѣ въ своемъ плодовомъ саду дубы 60-ти-лѣтняго возраста, выросшіе имъ изъ посаженныхъ собственными руками желудей, при желаніи дожить до того, чтобъ быть положеннымъ въ гробъ изъ досокъ, вынутыхъ изъ посаженныхъ имъ дубовъ. Крестьянинъ дожилъ до желаннаго времени. За то, прибавляетъ профессоръ, въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ 45 верстахъ отъ Харькова, на Довцѣ, гдѣ за полвѣка передъ этимъ берега рѣки покрыты были вѣковыми дубравами, нынѣ бѣдный селянинъ, для отданія послѣдняго долга матери, погружается въ глубину рѣки—добыть гробовую доску... изъ упавшаго туда, за сто лѣтъ назадъ, дѣса!» Я привелъ исключенія, привелъ немногіе примѣры трудолюбія тамъ, гдѣ все

еще донынѣ спало и жило такъ, какъ жилось дѣдамъ и прадѣдамъ. Но вообще еще нашъ край требуетъ усилій и усилій. Онъ, повторяю, какъ сказочная красавица, спавшая сто лѣтъ, долженъ пробудиться къ новой, горячей жизни и дѣятельности. Овцеводство и усиленное хлѣбопашество истощаютъ наши сѣнокосы. Трехпольная система обработки полей убиваетъ возможность травостѣянія. Наша пышная украинская флора, воспѣтая Гоголемъ въ «Тарасѣ Бульбѣ», уже почти сказка и сонъ, туманная, незнакомая намъ картина, съ безбрежнымъ моремъ травъ, по которому когда-то мелькалъ алый воронецъ, дикий нашъ тюльпанъ, и гдѣ тонули по холку скаковыя лошади. Наши травы и цвѣты исчезаютъ. Надо ихъ, господа, возродить, надо восстановить наши зеленцы, роскошныя, привольныя степи. Мусульмане происхожденіе перла сознанія—женщины соединяютъ съ происхожденіемъ цвѣтовъ. Они говорятъ: когда Аллахъ создалъ землю, онъ сталъ ею любоваться, на пустынномъ одиночествѣ отъ полноты довольства улыбнулся, и изъ этой улыбки родились женщины и цвѣты. Другая ихъ легенда выводитъ происхожденіе столицы садовъ—Стамбула. Они говорятъ: когда Аллахъ шелъ съять землю, его рѣшето зацѣпилось за дикий кустъ, и упало нѣсколько дорогихъ сѣмянъ; изъ этихъ сѣмянъ выросла столица садовъ—Стамбулъ.... Какъ было бы хорошо, еслибъ великій сѣятель нашего времени, *современный человѣческій свободный трудъ*, ида своимъ путемъ по свѣту, уронилъ хотя нѣсколько магическихъ зеренъ изъ своего рѣшета и на нашу тихую, забытую имъ, но всѣмъ намъ дорогую родину, Украйну! Мы бы тогда не завидовали столицѣ садовъ—Стамбулу и пошли бы впередъ и впередъ, туда, гдѣ въ концѣ пути мелькаетъ волшебное слово: счастье. Словомъ, съ акклиматизаціей новыхъ растений и животныхъ, мы жемлемъ своей родинѣ, кстати.... акклиматизаціи свободнаго труда и разумной человѣческой мысли, пустившей глубокіе корни въ другихъ странахъ свѣта.

Гр. Данилевскій.

Харьковъ, 1 февраля 1859 г.

Безсовѣстная и сумазбродная роскошь и мотовство. Больно видѣть когда швыряютъ деньги въ угоду какойнибудь

страсти, и въ тоже время хладнокровно отворачиваются отъ возможности помочь дѣльно, толково, серіозно, рационально, комунибудь.

Отецъ одного господина оставилъ ему миллионы. Домъ его въ Москвѣ былъ полною чашею. Въ домѣ только не было птичьего молока. Житье было: и воля и доля, то есть, кути на пропалую. Все у богатаго наслѣдника было лучшее, модное, блестящее «съ брызгу», какъ онъ выражался, и все ему было ни почемъ.

Разъ онъ, послѣ обѣда, взялъ при мѣѣ трубку, набитую рублевымъ табакомъ, вынулъ изъ бумажника 25 рублевую ассигнацію, свернулъ ее, зажегъ и закурилъ трубку.

Жаль мнѣ было этой ассигнаціи! не утерпѣлъ, сказать ему: «почему бы не отдать эти 25 рублей бѣдняку? Какъ бы онъ былъ благодаренъ тебѣ за такую увѣсистую милостыню! А не то—не худо бы денежку побережь на *черный день*».

—Пока ты къ чорту съ своими совѣтами, отвѣчалъ мотъ.—Развѣ я не хозяинъ своего добра? Эй, человѣкъ! Шампанскаго!

Такъ кончилась на этотъ разъ выходка фанфарона. Онъ кутилъ, кутилъ, и на чисто прокутился.

Года черезъ четыре, бывши въ Москвѣ, встрѣтилъ я бывшаго миллионера на Тверской, у Страстнаго монастыря, не въ берлинской уже коляскѣ, а пѣшаго, не въ бобрѣ дорогомъ, а въ зеленомъ, весьма поношенномъ, и даже немножко засаленномъ, сюртукѣ, бѣднаго, исхудалаго.

— Ты ли это И. П? спросилъ я.

— Я, отвѣчалъ онъ.

— Что съ тобою?

— *Черный день* пришелъ.

Тутъ я повелъ экс-миллионера въ го-